

Макаренко Мария Юрьевна

доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей
отечественной истории
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Мингазова Эльвира Николаевна

магистрант факультета истории,
социологии и международных отношений
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В СИСТЕМЕ
СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА
РОССИИ (КОНЕЦ XIX –
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ.)**

Аннотация:

В статье рассматриваются изменения мотивации и социально-одобряемых норм репродуктивного поведения населения Юга России. Прослеживаются перемены в социально-демографическом статусе детей и отношении к их воспитанию в период с 1897 г. по 1926 г. Рассмотрение проблем проводится на региональном (южно-российском) уровне.

Ключевые слова:

дети, подростки, молодежь, воспитание, сфера социальных контактов ребенка, репродуктивное поведение, семейные ценности, социально-одобряемые нормы, социально-демографический статус.

Makarenko Maria Yuryevna

D.Phil. in History,
Professor of the Contemporary History of
Russia Subdepartment,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

Mingazova Elvira Nikolaevna

Applicant for a Master's Degree, History, Social
Science and International Relations Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

**CHILDREN AND TEENAGERS
IN THE SLAVONIC FAMILY VALUES
SYSTEM IN THE SOUTH OF
RUSSIA (LATE 19TH – THE FIRST
QUARTER OF 20TH CENTURY)**

The summary:

The article considers changes of motivation and socially approved standards of reproductive behaviour in the South of Russia. The authors observe changes in social demographic status of children and ideas of upbringing over the 1897 to 1926 period. The issues are considered in the context of the regional (South of Russia) aspect.

Keywords:

children, teenagers, the youth, upbringing, sphere of child's social contacts, reproductive behavior, family values, socially approved standards, social demographic status, Slavonic population.

Во второй половине 1980-х гг. в развитии российской исторической науки наметились сохраняющиеся до сих пор новые тенденции: все четче прослеживается ориентированность на «человеческое» измерение (в западной историографии идентичные перемены начались на несколько десятилетий раньше) исторической ретроспективы. Постепенно формируется комплекс родственных научных направлений: историческая антропология, история повседневности, история семьи, ювенальная (молодежная) история.

Цель предлагаемого материала – проследить перемены, происшедшие в мотивации репродуктивного поведения населения Юга России, социально-демографическом статусе детей и подростков от 1897 к 1926 гг.; в эти годы проводились переписи населения, наиболее полно и точно зафиксировавшие состав и структуру населения страны. Сделанные выводы касаются преимущественно модели внутрисемейного поведения (акцент сделан на отношении к детям и подросткам) славян, которые составляли в 1926 г. более 80 % населения Северо-Кавказского края. Во внутрисемейных отношениях, как в маленьком зеркале, отражаются практически все стороны жизни социума. По образному выражению П. Губера и П. Шоню, «именно историческая демография помогла истории стать подлинно социальной... подвела нас к сути истории» [1, с. 22].

Основа источниковой базы исследования – материалы переписей и текущего учета населения, документы архивов. Научная обоснованность выводов неизбежно зависит от полноты и надежности статистики. Точность переписи 1920 г., не говоря уже о предшествовавших ей сельскохозяйственных переписях 1916 и 1917 гг., намного уступают данным 1897-го и особенно материалам переписного учета 1926 г.

В начале 1920-х гг. ЦСУ с большой осторожностью подходило к отбору информации, подчеркивая, что за 1920–1922 гг. публикует сведения о естественном движении населения только в 20 губерниях и областях России «по данным загсов, где регистрация рождений и смертей носит сколько-нибудь исчерпывающий характер» [2, с. 229]. Территории, послужившие основой образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края, в эту двадцатку не входят. Оценивая сложившуюся ситуацию и потенциальные возможности, региональные статистики вынужденно соглашались с решением Центра.

Учитывая недостаток статистических материалов, считаем возможным (и даже необходимым) обращение к тексту шолоховской эпопеи «Тихий Дон» [3, т. 2–5]. М.А. Шолохов, с детства впитывая детали быта и нравов верхнедонских станиц, в художественном совершенстве перенесенные им на страницы романа, виртуозно с литературно-художественной точки зрения и исторически достоверно запечатлел и смену эпох, и фундаментальные перемены, происходящие на микроуровне – в сознании человека.

В первой четверти XX в. специфику социально-демографического облика сохраняло казачество – наиболее призывная категория населения Российской империи. Первой Всеобщей переписью от 28 января 1897 г. учитывались как отдельное сословие – «войсковые казаки». Согласно результатам переписи, относительный вес казаков в сословной структуре населения составлял 2,3 %, численность – 2 908 тыс. чел. Наиболее многочисленными были Донское и Кубанское казачьи войска: 1 026 тыс. и 935 тыс. соответственно [4]. Накануне Первой мировой войны относительный вес казаков в составе населения Северного Кавказа приближался к 35 % [5, с. 24].

Перспектива военной службы накладывала отпечаток на воспитание и процесс социализации детей и подростков из казачьих семей: когда ребенок достигал пятилетнего возраста, отец или старший брат сажали его в седло. К семи годам мальчишки могли ездить на коне без уздечки. Долгое отсутствие мужчин заставляло взрослых прививать детворе настрой на работу, подростки считались практически полноценными работниками. При старших не ругались. Георгиевский кавалер стыдливо прятался от матери, собираясь закурить. К родителям обращались исключительно на «Вы». Когда приходили гости, присутствие детей при встрече считалось неприличным. Андроцентризм культуры прочно цементировал межпоколенные связи детей и подростков со взрослыми мужчинами: «В казачьей семье трудно было определить, кто к кому приставлен: дедушка к внуку или внук к дедушке – так они дополняли друг друга». От деда узнавали семейную родословную, с ним заучивали молитвы, гимн «Боже, царя храни». Внук с любопытством узнавал, где служил дед, за что получал награды. Казак считал долгом прийти на похороны сослуживцев деда. На вопрос «Вы родственник покойного?» отвечали утвердительно, поскольку «Ваш дедушка служил в одной роте с нашим» [6, с. 24, 35–36].

В конце XIX в. в южно-российском социуме доминировал принцип «человек для семьи» (образное выражение А.Г. Вишневого [7, с. 135]), ведущий практически к полному вращению индивида в ткань внутрисемейных отношений, растворению личности в семье. Брачность населения Российской империи имела отличия, определяемые социальной, сословной, религиозной, этнической принадлежностью. Между тем преобладали общие тенденции. Одна из них – практически всеобщий характер, определяемый традиционным отношением к семье: семья – выполнение своего долга перед Богом, перед обществом

[8, с. 34–35]. Дети воспитывались в духе обязательного вступления в брак. К неженатым и незамужним членам семьи, вовремя не вступившим в брак, относились неуважительно. Особенно это проявлялось к дочерям: безбрачие часто становилось для них жизненной трагедией [9, с. 3–25].

На многонациональном Юге (как и в целом в Российской империи) браки в основном заключались между представителями одного вероисповедания [10, с. 38]. Как правило, не одобрялись и союзы между казаками и иногородними. Все же иногда казаки брали жен из семей иногородних. Для женщин это была своеобразная стратегия успеха: приобщение к более богатым и влиятельным социальным стратам. Реже выходили замуж за иногородних девушки-казачки.

В конце XIX в. социальная норма вступления в брак у девушек – 16–18 лет [11]. Идеальная (с позиций казачье-крестьянского менталитета) разница в годах между женихом и невестой – не более двух-трех лет. Девочки-подростки, обсуждая перспективы семейной жизни, считали позором выйти замуж за «старика» – мужчину, возраст которого превышал этот интервал [12, т. 1, с. 164]. Постепенно (для подростков обоих полов) набирала обороты тенденция повышения возраста вступления в брак: старшему поколению все чаще приходилось учитывать их склонности и симпатии, выпуская из рук инициативу при заключении брака. Характеризуя ситуацию, Ф.А. Щербина отмечал: у казаков «почти исчезло принудительное заключение браков; вообще в семейном быту заметно стало развиваться личное начало, ярче стало обнаруживаться уважение к личности» [13, с. 253].

Пронаталистская установка кажется безусловной основой аграрного типа воспроизводства. Взрослые дети (особенно сыновья) служили своеобразным гарантом от нищеты в старости: «Корми сына до поры: придет пора – сын тебя прокормит». С позиций ортодоксального православия продолжение рода – единственное оправдание супружеских отношений, смысл создания семьи. Многодетность трактовалась как косвенный признак пристойности брачных отношений. Это нашло отражение в свадебной обрядности славянского населения Юга России: «Вам жылаим дитей штук питнацьты!»; «Када едуть с церкви мима саду, гаварять маладым: Сачтитя сколько пинёшкаф – стольки будить сыношкаф, сколько кочичек – стольки дочичек»; «На свадьби столька ручником узлов вязали, скока маладыя дитей хатели иметь. Жылали кучу дитей». Соглашаясь с выводом ростовского этнографа Т.Ю. Власкиной о том, что эти материалы – квинтэссенция идеальных представлений о семейном счастье и далеки от реальных желаний жениха и невесты [14, с. 195], хочется подчеркнуть: несмотря на явную гипертрофированность, магистральная пронаталистская линия южно-российского социума выражена в них четко. Безальтернативность психологической установки на многодетность оспаривается пословицами: «Первые детки – соколятки, последние – воронятки»; и даже: «Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем» [15, т. 1, с. 297–298].

Насколько частой и желанной была многодетность в культурах богатых и хлебных южных регионов страны? В романе М.А. Шолохова практически нет упоминания о многодетных семьях: некоторые исключения – Ильинична, у нее два сына и дочь, мать Натальи Коршуновой Лукинична (сын и три дочери) и, конечно, мать Михаила Кошевого – все они женщины старшего поколения. Ни одну из главных героинь это явление не касается. Находим только в эпизодах: «пугливая хворая баба, плодovitая, как крольчиха»; и о ней же «вон сколько наценила». Характеризуя ситуацию, муж, оценка которого приведена, радости не испытывает. И совсем категорично, напрямую называя беременность «бедой», оценивает предстоящее событие многодетная соседка Коршуновых. Таким образом, несмотря на сложившийся стереотип, многодетность на Юге России, по всей види-

мости, не была ни распространенной, ни особенно желанной. Скорее следует говорить только о многоплодности.

Совсем по-другому в большинстве случаев ждали первенца. Особенно это касается семьи Мелеховых, где рождение ребенка могло послужить основой окончательного примирения Григория и Натальи. Кроме того, проводив обоих сыновей на фронт, старики обеспокоены тем, что «переведется мелеховская порода». Поэтому ожидаема и понятна радость главы семьи: «казака с девкой подарила сноха. Вот сноха – так сноха! Господи, бож-же мой! За такую-то милость чем я ей, душеньке, отхвитаю?»

В традиционных культурах Юга сложился комплекс магических действий, направленных на получение потомства определенного пола. «Нужын сынок – шапку адивай на сибя ф тот мамент»; «Пат падушку клали штаны, если хатели мальчика, платьятя, если хатели девачку» [16, с. 196]. Многие исследователи этнологии казачества (Т.А. Листова, Т.Ю. Власкина) солидарны во мнении: предпочтение – использованию средств, направленных на рождение сыновей [17, с. 196]. Это заметно по акцентам в цитируемых наставлениях. Основная причина предпочтения: по исполнению семнадцати лет на мальчиков-казачков выделялся пай земли. Учитывая перспективную многодетность крепкой казачьей семьи, молодожены нередко молили Бога, чтобы первой в семье появилась девочка: «Сначала – нянька, потом – лялька». Как отмечает А.В. Маслов, «старшую сестру казачата в детстве редко называли по имени, заменяя его словом «няня», которое начинали выговаривать одновременно со словом «мама». Она была связующим звеном между взрослыми и детьми» [18, с. 32].

Невестка Мелеховых Наталья Коршунова *«ухитрилась угодить»* (курсив наш. – М.М., А.А.) свекрам» именно тем, что детишки разнополые. На этом фоне невольно вспоминается, что и сама Наталья, и Дуняшка Мелехова были любимицами у отцов. По всей видимости, в обоих случаях позиции отцов определялись не только эмоциональной окрашенностью чувств, но и экономической состоятельностью (а следовательно, траты, связанные с выдачей дочек замуж, не имели разорительного характера) крепких казачьих семей и тем, что отцы воспитывали и сыновей. Но не все члены мелеховской семьи одинаково рады появлению Мишатки и Полюшки. Из уст обращаемой к Григорию Дарьи звучит: «Наталья твоя – как трусиха плодущая. Она их тебе нашибает ишо штук десять». Таким образом, мы видим сочетание того, когда на «верхнем», «парадном» уровне дети – ценность очень высокого ранга, то, ради чего стоит жить; при более же приземленном подходе допустимой становится широта оценок и линий поведения в отношении детей [19].

На рубеже XIX–XX вв. воспроизводство населения характеризовалось очень высоким уровнем младенческой смертности: треть родившихся не доживала до года; примерно половина – до репродуктивного возраста. В хуторах Первого Донского округа вопреки церковному канону (крестить на восьмой день) 90 % детей крестили в течение первых трех дней жизни, из них 10 % – в день рождения; около половины – на второй [20, с. 207]. Пospешность родственников объяснялась страхом, чтобы ребенок не умер «калмыком» (калмык, щ'еник, пёс, татарч'а – названия некрещеных детей в донских говорах [21, с. 206]). Сложившиеся альтернативные кризисные сценарии ритуала крещения. Шолоховские сюжеты также служат достоверной иллюстрацией огромной детской смертности: ребенок Аксиньи от Степана, «дитё» Дарьи, дочь Аксиньи и Григория умирают совсем маленькими; приблизительно в шестилетнем возрасте уходит Полюшка Мелехова. На уровне массового сознания трагедии в этом, как правило, не видят. «Дитё у Дарьи померло», – равнодушно пишет тетка под диктовку деда о смерти племянника или племянницы (ни имя, ни пол ребенка в романе не названы). Ограничиваясь единственной фразой в отношении происшедшего горя, домашние довольно подробно пишут Григорию о

хозяйственных делах; упомянута даже кличка жеребца «станишной конюшни», виновного в ожидаемом прибавлении.

С началом Первой мировой возросло количество внебрачных рождений. В 1915 г. незаконнорожденные составили 4,9 % родившихся в кубанских городах. В предвоенное 15-летие аналогичный показатель в среднем – 2,8 % [22, с. 21], опускаясь иногда гораздо ниже этой величины: в 1907 г. в Майкопе он составил всего 0,8 % [23], в Анапе в том же году случаев внебрачных рождений не зарегистрировано [24].

Все более распространенной становится беспризорность. Потерявшие родителей и родственников дети не стремились попасть в приюты, поскольку условия пребывания там оставляли желать лучшего. В начале 1922 г. журнал «Наш край» писал о питании в детдомах: «Бывает время, когда дети получают суп с картофелем, то есть воду с картофелем, почти без жиров, пюре с кислой капустой, помидоров нет. Временами дают соленую рыбу, голье... не приходится удивляться истощению детей, большой восприимчивостью к болезням и большой смертности» [25, с. 25]. Всеми силами воспитанники стремились «на волю» – к заветному южному морю, считая, что занятия попрошайничеством, игрой в карты, проституцией и воровством принесут безбедное и беззаботное существование. В этих условиях происходило ускоренное взросление, нередко навсегда травмировавшее психику ребенка.

Как и в целом среди всего населения Кубани, у казаков период пониженной рождаемости – 1915–1922 гг., а самый низкий показатель приходится на 1919 г. Судя по возрастной структуре населения, зафиксированной переписью 1926 г., рождаемость этого года составила только 56 % уровня 1914 г. [26, с. 28, 30, 32]. Аналогичный показатель по всему населению Кубани – 53 % [27, т. 5, с. 138, 162, 170, 208]. Тенденция сохраняется и в остальные военные годы: прирост казачьего населения оказывается немного выше среднекубанского, причем в другие годы разрыв более заметен, чем в 1919 г. Происходит это, вероятно, не столько в силу повышенной среди казачьего населения рождаемости, сколько в результате пониженной детской смертности, что в свою очередь определялось фактором хозяйственно-экономическим: у детей, рожденных в крепких казачьих семьях, больше было шансов выжить.

Рождаемость в среде казаков все же превышала рождаемость населения иногороднего. Кубанский статистик Д. Мерхалев, анализируя материалы 1909–1915 гг., отмечает: «Смертность казаков и иногородних... стоит на одном уровне – 31 на 1000 населения. Рождаемость у казаков значительно выше – 58 на 1000 против 47 на 1000 у иногородних» [28].

После октября 1917 г. на смену христианско-патриархальной традиции семейной жизни приходят новые принципы ее организации. Уже в декабре 1917 г. издаются два декрета, регулировавшие сферу семейно-брачных отношений. Осенью 1918 г. принимается первый советский семейный кодекс («Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР»). В 1920-е гг. брачные отношения уже не отличались стабильностью прошлых лет. Наименее прочными оказались браки, заключенные после революции. В среде комсомольских активистов красные крестины, октябрины и свадьбы «без попа» быстро становятся распространенным явлением. Быстрота свидетельствует – многие социально-демографические институты (пожизненный брак, например) действительно отжили свой век. О том, как впервые проходили «пролетарские крестины» на окраине Краснодара – «в грязных рабочих кварталах», рассказывается в статье «Октябрины на Покровке»: «Небольшой зал клуба не мог вместить всех желающих... Даже входная лестница... набита битком... Виновницы торжества получили имена Владиана в честь великого вождя и учителя Владимира Ильича Ленина и Лена – в честь Ленских событий...

Под гром несмолкаемых аплодисментов» *новорожденные* девочки «зачисляются в члены клуба, члены антирелигиозного кружка и в отряды юных пионеров» [29].

Возрастная структура населения России, зафиксированная переписью 1926 г., характеризовалась высоким удельным весом детей и молодежи (возрастные группы от 0 до 30 лет составляли 65,4 % населения), незначительным количеством лиц пожилого возраста и стариков (50–59 лет – 6,5 %; 60 лет и более – 6,7 %) [30, с. 13], т. е. признаками, свойственными обществу, только вступающему в процесс демографического перехода, о начале которого свидетельствовали сокращения рождаемости и смертности. На возрастных пирамидах на долгие десятилетия остался достаточно глубокий «врез» – поколения 5–9-летних – результат снижения рождаемости в период с 1917 по 1921 г. Относительное число родившихся в эти годы составляло лишь 10 % населения Кубани [31, т. 5, с. 138–139, 162–163, 170–171, 208–209] (аналогичный показатель по РСФСР – 10,2 % [32, с. 13]).

Над «врезом» нависает ступенька – родившиеся в благополучный предвоенный период (эта группа практически только одним годом захватила период снижения рождаемости). Выступает и самая нижняя ступенька пирамиды (возраста 0–4 года) – следствие компенсаторного послевоенного демографического роста, вызванного повышением уровня жизни, начавшимся с развертыванием нэпа. Эта возрастная группа оказалась самой многочисленной, составляя 13,7 % населения Кубани [33, т. 5, с. 138–139, 162–163, 170–171, 208–209]. Аналогичный показатель по РСФСР – 15,3 % [34, с. 13].

Возрастная структура населения Кубани, представленная в материалах 1926 г., характеризовалась еще более высоким, чем в 1897 г., удельным весом детей и молодежи в возрасте до 30 лет. Так, если в 1897 г. возраста от 0 до 30 лет составляли 63,6 % населения, то в 1926 г. – 69,2 % [35, т. 65, с. 1, 6, 7; т. 70, с. 3–5], – признак, характеризующий общество с типом рождаемости, еще остающимся близким к традиционному, о некотором отходе от которого свидетельствовало ее сокращение: так, в 1897 г. возрастная когорта 0–4 года составляла 18 %, в 1926 г. – несмотря на компенсаторный характер рождаемости – 13,7 % [36]; а также четко прослеживаемая тенденция сокращения смертности. Показатель смертности по Кубанскому округу, по которому мы располагаем самыми надежными данными естественного движения, составлял в 1911–1913 гг. – 2,8 %, в 1924–1925 гг. – 2,3 %, в 1926 г. – 2,1 % [37, т. 2, с. 14].

Благодаря высокому относительному весу подростков и молодежи 15–19 лет (среди казачьего населения относительный вес этой возрастной когорты повышался [38, с. 10–27; т. 5, с. 138–139, 162–163, 170–171, 208–209]), менее обремененных грузом исторической памяти, нэповское общество было расположено к переменам, радикальному переустройству жизни: «революцию делают, конечно, не старые, а молодые» [39, с. 10].

Именно в молодежи новая власть видела потенциальную опору. На советское воспитание подрастающего поколения делалась особая ставка. В речи на совещании по вопросам работы среди казаков, опубликованной в «Красном Знамени» от 27 июня 1925 г., секретарь Северо-Кавказского краевого комитета РКП (б) А.И. Микоян подчеркивал: «Казачья молодежь, прошедшая советскую школу, получившая советское воспитание, представляет наилучшую форму связи между Советской властью, нашей партией и казачеством» [40].

Как отмечает А.Ю. Рожков, «в дискурсивных конвенциях антирелигиозной пропаганды религия подавалась как антитеза науке; вера в Бога противопоставлялась модерну». На уровне массового сознания школьников формировались паттерны советской идентичности: если ты ходишь в церковь и носишь нательный крест – ты человек с отсталым мировоззрением, «пережиток прошлого» [41]. Закладывались дихотомии антирелигиозной пропаганды: «Кто спасет мир: Христос или рабочий класс?»; «Как жить – с богами или без богов?»; «Не будем праздновать Пасху, будем праздновать 1 Мая» [42]. А.Ю. Рожков прихо-

дит к выводу: поголовного формирования убежденных строителей коммунизма в лице молодых людей 1920-х гг., по всей видимости, не произошло, «старая» социальная среда (родительская семья, сверстники с улицы, церковь) сохраняла свое влияние. Только младшие возрастные когорты (не ранее 1912–1920 гг. рождений) в какой-то степени правомерно рассматривать как первое поколение с советской идентичностью. Большинство родившихся в 1904–1911 гг., застав порядки прежней гимназии, если и становились «советскими» людьми, то на более поздних этапах социализации [43, с. 439].

Успехи в области медицинского обслуживания и здравоохранения (за годы нэпа средняя продолжительность жизни увеличилась на десять лет) приводят к резкому снижению младенческой смертности. У среднестатистического ребенка появляется больше шансов выжить, заставляя родителей и родственников относиться к новорожденному бережно и персонифицированно. На снижение младенческой смертности общество отреагировало сокращением многоплодности. Возникает (существующее до сих пор) противоречие между репродуктивными интересами большинства семей и государства: малодетность становится всё более распространенной.

Таким образом, в конце XIX – первой четверти XX в. официальные и социально-одобряемые нормы репродуктивного поведения, отношение к воспитанию изменились: происходит сначала медленная, а после октября 1917 г. – стремительная переоценка социально-демографического статуса детей и подростков, традиционных репродуктивных установок населения Юга России. Расширяется сфера социальных контактов ребенка. Дети и подростки из внутрисемейного достояния постепенно начинают становиться достоянием формирующегося советского общества. В процессе ускоренной модернизации детства роль государственных органов была исключительной: именно в подростках и молодежи новая власть небезосновательно видела потенциальную опору.

Ссылки:

1. Губер П., Шоню П. Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1985.
2. Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // Население и методы его изучения. М., 1975.
3. Цитаты из «Тихого Дона» – по изданию: Шолохов М.А. Собр. соч. в 9 т. Т. 2–5. М., 1965–1966.
4. Как учитывали казаков при переписях 1897 и 1926 годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/perepis05.php> (дата обращения: 01.07.2012).
5. Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов-н/Д, 1927.
6. Маслов А.В. Кубанская старина. Жизнь и быт казаков: Элективный курс. Краснодар, 2007.
7. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
8. Араловец Н.А. Городская семья в конце XIX – начале XX века // Население России в XX веке. М., 2000.
9. См., например, Лухманова Н.А. О положении незамужней дочери в семье. СПб., 1896.
10. Араловец Н.А. Указ. соч.
11. Семья в кризисе / Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Захаров С.В. и др. // Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
13. Щербина Ф.А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. Воронеж, 1889.
14. Власкина Т.Ю. Родильно-крестильный комплекс // Очерки традиционной культуры казачеств России. М. ; Краснодар, 2005.
15. Даль В. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1.
16. Власкина Т.Ю. Указ. соч.
17. Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М., 1997 ; Власкина Т.Ю. Указ. соч.
18. Маслов А.В. Указ. соч.
19. Семья в кризисе ...
20. Власкина Т.Ю. Указ. соч.
21. Там же.
22. Мерхалев Д. Города кубанского края (статистический очерк). По данным Всероссийской переписи 1917 года. Екатеринбург, 1919.

23. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 2346. Т. 2. Л. 680.
24. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 2346. Т. 2. Л. 764.
25. Наш край. 1922. № 3.
26. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов-н/Д, 1928.
27. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.
28. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 114. Л.15.
29. Красное Знамя. 1924. 15 февраля.
30. Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996.
31. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.
32. Жиромская В.Б. Указ. соч.
33. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.
34. Жиромская В.Б. Указ. соч.
35. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. 65 ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1903. Т. 70.
36. Там же.
37. Население и хозяйство Кубанского округа. Статистический сборник за 1924–1926 гг. (в двух томах). Краснодар, 1928. Т. 2.
38. Казачество Северо-Кавказского края ... ; Всесоюзная перепись населения 1926 года ...
39. Революция в деревне : очерки / под ред. В.Г. Тан-Богораз. М. ; Л., 1924.
40. Красное Знамя. 1925. 27 июня.
41. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг.: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы) : дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003.
42. ГАКК. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 159. Л. 77 об.
43. Рожков А.Ю. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Guber P., Shonyu P. Demografiya zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii. M., 1985.
2. Boyarskiy A.Y. K voprosu o estestvennom dvizhenii naseleniya v Rossii i v SSSR v 1915–1923 gg. // Naselenie i metody ego izucheniya. M., 1975.
3. Tsitaty iz «Tikhogo Dona» – po izdaniyu: Sholokhov M.A. Sobr. soch. in 9 vols. Vol. 2–5. M., 1965–1966.
4. Kak uchityvali kazakov pri perepisyakh 1897 i 1926 godov. [Electronic resource]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/perepis05.php> (date of access: 01.07.2012).
5. Gozulov A.I. Ekonomicheskaya geografiya Severnogo Kavkaza. Rostov-n/D, 1927.
6. Maslov A.V. Kubanskaya starina. Zhizn' i byt kazakov: Elektivnyy kurs. Krasnodar, 2007.
7. Vishnevskiy A.G. Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR. M., 1998.
8. Aralovets N.A. Gorodskaya sem'ya v kontse XIX – nachale XX veka // Naselenie Rossii v XX veke. M., 2000.
9. See, i.e., Lukhmanova N.A. O polozhenii nezamuzhney docheri v sem'e. SPb., 1896.
10. Aralovets N.A. Op. cit.
11. Sem'ya v krizise / Andreev E.M., Vishnevskiy A.G., Zakharov S.V., et al. // Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000. M., 2006.
12. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb., 1999. Т. 1.
13. Shcherbina F.A. Kratkiy istoricheskiy ocherk Kubanskogo kazach'ego voyska. Voronezh, 1889.
14. Vlaskina T.Y. Rodil'no-krestil'niy kompleks // Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii. M. ; Krasnodar, 2005.
15. Dal' V. Poslovitsy russkogo naroda. M., 1984. Т. 1.
16. Vlaskina T.Y. Op. cit.
17. Listova T.A. Obryady i obychai, svyazannie s rozhdeniem detey. Perviy god zhizni // Russkie. M., 1997 ; Vlaskina T.Y. Op. cit.
18. Maslov A.V. Op. cit.
19. Sem'ya v krizise ...
20. Vlaskina T.Y. Op. cit.
21. Ibid.
22. Merkhalev D. Goroda kubanskogo kraya (statisticheskiy ocherk). Po dannym Vserossiyskoy perepisi 1917 goda. Ekaterinodar, 1919.
23. Gosudarstvenniy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 454. Op. 1. D. 2346. Т. 2. L. 680.
24. GAKK. F. 454. Op. 1. D. 2346. Т. 2. L. 764.
25. Nash kray. 1922. № 3.
26. Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. Itogi perepisi naseleniya 1926 g. Rostov-n/D, 1928.
27. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. M., 1928. Vol. 5.
28. GAKK. F. R-1547. Op. 1. D. 114. L.15.
29. Krasnoe Znamya. 1924. February 15.

30. Zhiromskaya V.B. Posle revolyutsionnykh bur': Naselenie Rossii v pervoy polovine 20-kh godov. M., 1996.
31. Calculated by: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. M., 1928. Vol. 5.
32. Zhiromskaya V.B. Op. cit.
33. Calculated by: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. M., 1928. Vol. 5.
34. Zhiromskaya V.B. Op. cit.
35. Podschitano po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. SPb., 1905. Vol. 65 ; Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. SPb., 1903. Vol. 70.
36. Ibid.
37. Naselenie i khozyaystvo Kubanskogo okruga. Statisticheskiy sbornik za 1924–1926 gg. (v dvukh tomakh). Krasnodar, 1928. Vol. 2.
38. Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya ... ; Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda ...
39. Revolyutsiya v derevne : ocherki / ed. by V.G. Tan-Bogoraz. M. ; L., 1924.
40. Krasnoe Znamya. 1925. June 27.
41. Rozhkov A.Y. Molodoy chelovek v sovetskoy Rossii 1920-kh gg.: povsednevnyaya zhizn' v gruppakh sverstnikov (shkol'niki, studenty, krasnoarmeytsy) : dis. ... d-ra ist. nauk. Krasnodar, 2003.
42. GAKK. F. R-837. Op. 1. D. 159. L. 77 ob.
43. Rozhkov A.Y. Op. cit.